

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД В «ПЕСТРЫХ СКАЗКАХ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Анастасия Сергеевна Бердникова

аспирант Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

email: nastasiaber13@gmail.com

ORCID: 0009-0005-5860-1698

Аннотация. В статье рассматривается гастрономическая семантика в сборнике В.Ф. Одоевского «Пестрые сказки» (1833) в контексте творчества писателя. Обращение к этой теме не в последнюю очередь обусловлено особым личным интересом В.Ф. Одоевского к кулинарному делу. В шуточных «Лекциях господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве», опубликованных в середине 1840-х гг., писатель формулирует основы своей гастрономической философии. Однако отдельные мотивы, связанные с миром кулинарии, впервые появляются уже в произведениях сборника «Пестрые сказки». Еда выступает в качестве знака власти, а герои, не наделенные ею, рискуют сами оказаться «приготовленными» или съеденными («Реторта», «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко»). В некоторых произведениях еда становится элементом определенных ритуалов (поминовения или жертвоприношения) и способствует установлению коммуникации с представителями потустороннего мира («Игоша», «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем»). При этом В.Ф. Одоевский фиксирует особую способность еды оказывать магическое воздействие на человека, изменять восприятие им реальности. Гастрономические образы в «Пестрых сказках» неожиданно оказываются семантически сопряженными со сферой алхимического сакрального знания, которое помогает человеку преобразовывать окружающую действительность. Каббалистические таинства обладают не только сходным с кулинарной наукой инструментарием, но и симметричным набором операций («Реторта», «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту»). Однако взаимодействие непосвященного как с миром алхимии, так и с гастрономическим пространством может иметь для него трагические, необратимые последствия.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, «Пестрые сказки», «Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве», гастрономический код, алхимия

В середине 1840-х гг. в приложении к «Литературной газете» начинают выходить лекции господина Пуфа о кухонном искусстве. *Великий кулинар, знаменитый профессор кулинарии* рассказывает, как правильно выбирать продукты, щедро делится секретами приготовления тех или иных блюд, помогая своим читателям преуспеть в поварском деле. Часть статей, проникнутых ироническим пафосом, посвящена рассуждениям о природе человека вообще и образе жизни и нравах современных людей в частности. Статьи выходили более двух лет и пользовались особенной любовью читателей. Под маской доктора Пуфа скрывался не кто иной, как сам Владимир Федорович Одоевский, который был известен своим современникам как искусный кулинар-экспериментатор. Сохранились многочисленные воспоминания гостей писателя его о гастрономических опытах. «Ни у кого в мире нет таких фантастических обедов, как у Одоевского, – отмечает И.И. Панаев, – у него пулярдка начинается бузиной или ромашкой; соусы перегоняются в реторте и составляются из неслыханных смешений; у него все варится, жарится, солится и маринуется ученым образом» [Панаев: 121].

Неслучайно интерес исследователей, обращающихся к изучению гастрономической тематики в творчестве писателя, чаще всего привлекают именно лекции господина Пуфа [Вольская; Голубева; Мусийчук 2022; Мусийчук, Мусийчук 2018; Павловская]. Однако не-

обходимо отметить, что отдельные мотивы появляются много раньше, уже в первом авторском сборнике – «Пестрые сказки с красным словом», опубликованном в 1833 г. В книгу вошли главы «От издателя», «Предисловие сочинителя», восемь повестей.

Все сказки объединены фигурой рассказчика – Ириней Модестовича Гомозейки. Подобно доктору Пуфу, Ириней Модестович также относит себя к ученым мужам: «...я просто пустой ученый, то есть знаю все возможные языки: живые, мертвые и полумертвые; знаю все науки, которые преподаются и не преподаются на всех европейских кафедрах» [Одоевский 1996: 7].

Впервые гастрономическая семантика обнаруживает себя в характеристике, которую Ириней Модестович дает самому себе. Он признается, что относится к тем ученым, которые любят «ломать себе голову над началом вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами» [Там же: 7]. Такое качество – отмечает рассказчик – *недостаток, злополучие и вечное пятно его фамилии*, как говаривала бабушка героя.

Из неопубликованного отрывка «Семейные обстоятельства Ириней Модестовича Гомозейки, сделавшие из него то, что он есть и чем бы он быть не должен» мы узнаем и о другой семейной драме рассказчика:

«На беду мою причудливая природа поселила во мне отвращение к огурцам. О огурцы! чего вы мне

стоили. До сих пор я не могу об них вспомнить без ужаса. Матушка с бабушкой никак не могли понять этой причуды; несмотря на их долголетнюю опытность им ни разу не случилось встретить, чтобы человек мог иметь отвращение к огурцам <...> каждый вечер принесут проклятые огурцы, подзовут меня – я затрясусь, заплачу, отворочусь – меня высекут, пристращают, заставят проглотить несколько кусков, на другой день я болен, матушка в отчаянии...» [Там же: 91].

Огурцы в данном эпизоде выступают одновременно как источник страданий рассказчика, своеобразное орудие пытки, а также служат причиной его постоянного нездоровья.

В сюжетах некоторых сказок сборника мотив поглощения пищи играет особую роль. Одной из наиболее показательных в этом смысле является «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», в которой еда непосредственно связана с развитием сюжета.

Главный герой – приказный Севастьяныч участвует в заседании, где должна решаться судьба «мертвого тела», обнаруженного на выгонной земле деревни Морковкиной-Наташино. Развитие гастрономического сюжета начинается с подарка *ласкового* помещика, приславшего «с барского двора гуся с подливой да штоф домашней желудочной настойки» [Там же: 19] для Севастьяныча, который вынужден провести ночь перед заседанием в одиночестве.

Рецепт приготовления гуся с подливой мы встречаем в одном из выпусков «Кухни для хозяев» за авторством доктора Пуфа. Поначалу он как искушенный гурман относится к такому простому блюду с некоторой долей скепсиса, но затем признается: «Гусь совершенно помирил меня и с моим приятелем, и с гусями вообще» [Одоевский 2007: 578]. Такое кушанье возбуждает аппетит доктора Пуфа, заставляя его с нетерпением ожидать следующего блюда. Сходный эффект оказывает жаркое и на Севастьяныча, распалая его воображение, погружая его в мечты о своем всемогуществе:

«Севастьяныч видел, что во всех знаменитых делах Реженского земского суда он был единственным виновником, единственным выдумщиком и единственным исполнителем; что без него бы погиб заседатель, погиб исправник, погиб и уездный судья, и уездный предводитель; что им одним держится древняя слава Реженского уезда» [Одоевский 1996: 20].

Кроме того, любопытен и сам напиток, который присылают для «утешения Севастьяныча в его уединении» [Там же: 19]. *Желудочная настойка*, не только не «поправляет» здоровья героя, но, наоборот, вызывает тревожные перемены в его душевном состоянии. Этот напиток также появляется в «Записках для хозяев» господина Пуфа, когда один из адресатов кулинара предлагает рас-

крыть ему секрет *удивительной, магической настойки*, которая способна не только вознести в Эмпиреи, но и сшибить с ног любого, кто сделает хоть один глоток.

Еда в «Сказке о мертвом теле...» также может рассматриваться в качестве поминальной пищи на своеобразной тризне, которую устроит Севастьяныч заранее – настоящая тризна по «безымянному» покойнику так и не будет совершена.

С тематикой погребального обряда сопряжены гастрономические мотивы в повести «Игоша», также входящей в состав «Пестрых сказок». Еда там становится способом задобрить духа-проказника:

«...хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат... – Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? – спросил я. – Товарищу не товарищу, – отвечали они, – а такому молодцу, который обид не любит» [Там же: 37–38].

Хлеб, как и гусь, съеденный Севастьянычем, традиционно выступают в качестве омонимичных образов в обряде жертвоприношения [Фрейденберг: 59].

Герой «Сказки о мертвом теле...», закончив свою трапезу, обращается к размышлениям о своей счастливой, сытой, комфортной жизни – в окружении нажитого своим умом имущества, рядом с заботливой женой-хозяйкой:

«...ему представился его веселый реженский домик... бутылки с наливкою на окошке между двумя бальзаминными горшками; шкаф с посудой и между нею в середине на почетном месте хрустальная на фарфоровом блюде перешница; ... его полная белолитая Лукерья Петровна; в руках у ней сдобный крупчатый каравай; вот телка, откормленная к святкам, смотрит на Севастьяныча; большой чайник с самоваром ему кланяется и подвигается к нему; вот теплая лежанка, а... в книжнике серенькие бумажки» [Одоевский 1996: 20].

Нельзя не обратить внимания на большое количество гастрономических деталей в описании того мира, который так дорог сердцу героя. Все, о чем мечтает приказной, либо создано для того, чтобы быть съедено, либо должно помочь ему в «овладении» этим миром.

Еда выступает в качестве символа власти и благоденствия и в другой повести сборника – «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко», где Одоевский не только подвергает ироническому осмыслению сентиментальную традицию, но и вступает в диалог с мифологическими текстами. Главный герой – паук-птицеед – вынужден скрываться от своего отца, желающего, подобно древнегреческому Крону, его съесть. Герою также приходится постоянно голодать, поскольку его отец жадно истребляет всю живность в округе. Дать отпор своему родителю пауку

удается только после того, как он сам возмужал и утолил свой голод.

Принципиальной в сборнике «Пестрые сказки» представляется связь гастрономических мотивов с темой алхимических превращений. Интерес Одоевского к этой теме отразился и в ряде более поздних текстов – повестях неоконченного «мистического» цикла «Сильфида» (1837) и «Саламандра» (1841), а также в романе «Русские ночи» (1844).

Одоевский парадоксальным образом соединяет в одном сюжете два аксиологических полюса – сферу сакрального, каббалистического таинства, помогающего «питать» человеческий дух, и «профанное» поварское ремесло, способное дать пищу земную. Впервые о связи кулинарного и алхимического процессов будет сказано в повести «Реторта». Химическая дистилляция, которой чертенок подвергает заключенную в реторте почтенную публику, сродни кулинарным манипуляциям. Неслучайно происходящие процессы описываются с использованием специфической терминологии: «...день-деньской вас варишь, варишь, жаришь, жаришь, а много-много что выскочит из реторты – наш же брат чертененок, не вытерпевший вашей скуки» [Там же: 16].

Как в алхимических таинствах, в поварском искусстве на первый план выходит именно результат – создание нового вещества, нового блюда.

В «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» при-

водится описание магических манипуляций, произведенных над несчастной девушкой, ставшей пленницей бусурманского чародея.

Наряду с ним в колдовских таинствах принимают участие *безмозглая французская голова, чуткий немецкий нос и туго набитый английский живот*. Выбор таких образов не только подчеркивает синекдохическую природу художественного мира «Пестрых сказок», но также недвусмысленно отсылает к гастрономическому контексту. Особенно показательным здесь становится появление английского живота из бутылки с содовой водой.

Описание действий заклинателей отсылает к известному еще с античных времен жанру сатирического рецепта, который вновь набирает популярность в XVIII в. [Трахтенберг: 91]. Так, примеры подобных *рецептов* появляются в журнале Новикова «Трутень». В свете повышенного интереса Одоевского к дидактико-сатирической традиции предшествующей эпохи обращение к данному жанру можно считать вполне закономерным.

В структурном отношении алхимическая формула кумулятивна, что свойственно также жанру кулинарного рецепта. Ингредиентами для бесовского отвара становятся *романы мадам Жанлис, Честерфильдовы письма, листы из русской азбуки, итальянские рулады*, а также *городские сплетни*, выхваченные из воздуха над Невским проспектом. Пришпешники чародея не перестают помешивать

вать, измельчать компоненты «зелья» и раздувать огонь под очагом.

Сходный рецептурный сюжет, в котором ингредиентами становятся бумаги и книги, обнаруживает себя и в записях господина Пуфа, который рассказывает о способе приготовления особого *кулинарного соуса* к пулярдке:

«Возьмите:

Полфунта выданных из забытой книги печатных страниц.

Листа два новых печатных же, – где случится с спроса, а лучше без спроса.

Прибавьте:

24 ошибки против русского языка;

столько же против здравого смысла;

столько же иностранных невпапад переведенных слов;

полсотни опечаток.

Перемешайте хорошенько, разделите на рубрики, посыпьте сверху несколько более или менее известных имен, припустите в типографских чернилах на тряпичной бумаге, и у вас выйдет настоящий кулинарный соус...» [Одоевский 1996: 406].

Показательно, что господин Пуф заранее предостерегает своих искушенных читателей от того, чтобы пробовать это странное блюдо, которое, по его словам, «плохо и бесполезно» [Одоевский 2007: 406]. Если же этот соус похож на магический отвар, приготовленный басурманином, не только по своему

составу, но и по своему воздействию, то его употребление могло бы оказать самое губительное влияние.

В «Сказке о том, как опасно...» также появляются злосчастные огурцы, при виде которых так трепетал несчастный Ириной Модестович. Этот образ вновь оказывается связан с темой страданий. Бусурманский колдун, проводя над своей пленницей ряд жестоких и мучительных операций, оттирает волшебной губкой белизну с лица красавицы, а затем наполняет этой белизной скляночку с надписью *lait de concombre*, то есть «огуречное молочко».

Различные косметические и лечебные средства на основе огурца использовались еще с древних времен, а в середине XIX в. некоторые из них приобретают особую популярность [Сточик: 71]. Однако в одном из известных косметологических пособий «Наставнике красоты...» (1791), где перечислены основные средства для улучшения цвета лица, автор предостерегает своих читательниц от употребления в пищу соленых огурцов, которые «дѣлають больше мертвоблѣдной, нежели простоблѣдной цвѣтъ лица» [Наставник красоты: 18].

В лекциях господина Пуфа огурцы появляются в контексте сочетания несовместимых продуктов. Так, доктор кухни видит противоестественным гастрономическое соединение *огурцов с шоколадом* [Одоевский 2007: 316], а также приводит письмо одного

из читателей «Записок для хозяев», в котором можно обнаружить пример неудачного совмещения в одном блюде огурца с другими деликатесами: «...к супу подают *гарбюру*; уж чего не было в этой гарбюре? – и трюфели, и померанцы, и огурцы, и фрукты; положил в суп – и кисло и горько, и сладко и солоно, – словом, батюшка, напрямки сказать, в рот нельзя взять» [Там же: 141–142].

Огуречное молочко, созданное басурманином, по-видимому, не только отсылает к распространённой косметологической практике своего времени, но также являет собой один из примеров «запрещённой» кулинарной комбинации.

Финальным актом превращения становится извлечение сердца бедной красавицы и вымачивание его в приготовленном снадобье. Подобные анатомические сюжеты не редкость в прозе Одоевского. Однако в контексте гастрономической семантики данное действие приобретает иной смысл.

В лекциях господина Пуфа мы обнаружим, что сердце образует странную семантическую пару с другим органом – желудком. Доктор кухнологии полагает, что именно наличие желудка, а значит, способности поглощать и переваривать пищу, определяет сам факт существования живого существа и делает человека человеком:

«Есть животные, у которых нет головы, или ног, или рук; есть животные и без сердца, но скажите,

есть ли одно из них, в каком бы не было *желудка?*» [Там же: 347]; «Я, истинно говорю, не мог не прослезиться, читая описание столь недостойных поступков с говядиной, показывающих явное презрение к человечеству или к человеческому желудку, что, как кажется, почти одно и то же» [Там же: 499].

Неслучайно, что одним из несчастных, лишенных гастрономических наслаждений жизни, оказывается разумная кукла – автомат Эльфодор, который страдает из-за неполноты своего существования:

«...она могла не только есть и пить, но даже переваривала пищу... Я понял, что, несмотря на все мои знания, я в сравнении с этою уткой – существо неполное! Она умела есть! – я не умею!» [Там же: 394].

Несмотря на очевидную авторскую иронию, и сердце, и желудок в содержательном плане обладают неким важным общим свойством: они имеют непосредственное отношение к процессу чувственного восприятия мира [Там же: 81, 109, 140, 347]. Доктор Пуф считает, что, человек, обладающий добрым и чувствительным сердцем, не может проявлять равнодушие и хладнокровие при виде разнообразных гастрономических изысков, а человеку жестокосердому чужда утонченность вкуса: «Несчастные! У них нет ни сердца, ни желудка!» [Там же: 394–395]. Желудок, как и сердце, оказывается связан с подлинной

искренностью и добротой, а потому является таким же чувствительным и уязвимым.

Действие чудесного отвара, приготовленного бусурманином и его приспешниками, заставляет героиню «Сказки о том, как опасно...» потерять способность чувствовать, мыслить, любить, превращая ее в пустоголовую куколку, лишенную сердца, обреченную вести *мертвое, механическое существование* [Сытина: 229–235].

Процесс приготовления еды для Одоевского, таким образом, представляет собой некое таинство, и оно, подобно магическим операциям, обладает строго кодифицированной последовательностью действий, от которых непосредственно зависит результат. Гастрономические мотивы в «Пестрых сказках» обнаруживают свою непосредственную связь с традиционными представлениями, становясь частью определенных ритуалов – таких как погребальный обряд, жертвоприношение – или исполняя иные символические функции. Однако магические манипуляции и искусство приготовления пищи объединяет не только наличие рецептурной составляющей. И алхимические, и кулинарные опыты нацелены, по самой своей сути, на то, чтобы изменять природу веществ, создавая нечто принципиально новое, дотоле не бывшее.

Литература

Вольская, Н.Н. Содержание культурного знака «обед» в произведении В.Ф. Одоевского

«Кухня: лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве» // Культура в фокусе научных парадигм. 2017. № 5. С. 173–176.

Голубева, О.Д. Господин Пуф, доктор энциклопедии и других наук о кухонном искусстве // Петербургский рериховский сборник. 2001. Вып. IV. С. 87–94.

Мусийчук, С.В. Вкус как «ощущение и действие духа» в дидактической и гастрономической рефлексии // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN222.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

Мусийчук, С.В., Мусийчук, В.В. Юмор в потоке образов сервисной реальности // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1-2. С. 81–87.

Наставник красоты, показывающий надежные способы и средства, по которым можно сохранить и приобрести красоту лица, зубов, рук, и словом всего тела; также истребить дурной запах изо рта и отрастить хорошие волосы и проч.: Сочинение особливо полезное для девиц, и вообще для женского пола / пер. с нем. Яков Благодаров. М.: Тип. при Театре, у Хр. Клаудия, 1791.

Одоевский, В.Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007.

Одоевский, В.Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996.

Павловская, А.В. Из истории русской кухни. Часть 2. Страсти по утраченной самобытности // Вопросы диетологии. 2016. 6 (2). С. 61–73. DOI: 10.20953/2224-5448-2016-2-61-74

Панаев, И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988.

Сточик, А.А. Предпосылки возникновения косметических средств и появление промышленной косметики в середине XIX века // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 1. С. 70–75.

Сытина, Ю.Н. Творчество В.Ф. Одоевского в большом времени русской культуры. СПб.: Издательство РХГА, 2022.

Трахтенберг, Л.А. Рецепт как жанр сатиры: из истории малой прозы XVIII века // Русская речь. 2016. № 6. С. 90–98.

Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

References

Freidenberg, O.M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and gender]. Moscow: Labirint.

Golubeva, O.D. (2001). *Gospodin Puf, doktor entsiklopedii i drugikh nauk o kukhannom iskusstve* [Mister Puff, the Doctor of the encyclopedia and other sciences on culinary art]. *Peterburgskiy Rerikhovskiy Sbornik* [Petersburg Roerich Digest], IV, 87–94.

Musiichuk, S.V. (2022). *Vkus kak "oshchushcheniye i deystviye dukha" v*

didakticheskoy i gastronomicheskoy refleksii [Taste as “sensation and action of the spirit” in didactic and gastronomic reflection]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 10(2). Retrieved from: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN222.pdf> (date of access: 25.01.2024).

Musiichuk, S.V., & Musiichuk, V.V. (2018). *Yumor v potoke obrazov servisnoy real'nosti* [Humor in the stream of images of service reality]. *Gumanitarnyy Nauchnyy Zhurnal* [Humanities Scientific Journal], 1-2, 81–87.

Nastavnik krasoty, pokazyvayushchiy nadezhnyye sposoby i sredstva, po kotorym možhno sokhranit' i priobresti krasotu litsa, zubov, ruk, i slovom vsego tela; takzhe istrebit' durnoy zapakh izo rtu i otrastit' khoroshiye volosy i proch.: Sochineniye osoblivo poleznoye dlya devits, i voobshche dlya zhenskago pola [A beauty mentor, showing reliable ways and means by which you can preserve and acquire the beauty of your face, teeth, hands, and in short the whole body; also eliminate bad breath and grow good hair, etc.: an essay especially useful for girls, and for the female sex in general]. (1791). (Ya. Blagodarov, Trans.). Moscow: Publishing house at the Theater, at Chr. Claudia.

Odoyevsky, V.F. (2007). *Kukhnya: Lektsii gospodina Pufa, doktora entsiklopedii i drugikh nauk o kukhonnom iskusstve* [Cuisine. Lectures of Mister Puff, the Doctor of the encyclopedia and other sciences on culinary art]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh's Publishers.

Odoyevsky, V.F. (1996). *Pëstryye skazki* [Variegated tales]. Saint Petersburg: Nauka.

Panaev, I.I. (1988). *Literaturnyye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow: Pravda.

Pavlovskaya, A.V. (2016). *Iz istorii russkoy kukhni. Chast' 2. Strasti po utrachennoy samobytnosti* [From the history of Russian cuisine. Part 2. The passion of the lost self-identity]. *Voprosy Diyetologii* [Nutrition], 6(2), 61–73. DOI: 10.20953/2224-5448-2016-2-61-74

Stochik, A.A. (2020). *Predposylki vzniknoveniya kosmeticheskikh sredstv i poyavleniye promyshlennoy kosmetiki v seredine XIX veka* [Prerequisites for the emergence of cosmetics and the emergence of industrial cosmetics in the mid-19th century] *Byulleten' Natsional'nogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta Obshchestvennogo Zdorov'ya imeni N. A. Semashko* [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health], 1, 70–75.

Sytina, Yu.N. (2022). *Tvorchestvo V.F. Odoyevskogo v bol'shom vremeni russkoy kul'tury* [Creative work of V.F. Odoyevsky in the great time of Russian culture]. Saint Petersburg: RCHA Publishing house.

Trakhtenberg, L.A. (2016). *Retsept kak zhanr satiry: iz istorii maloy prozy XVIII veka* [Recipe as a genre of satire: from the history of short prose of the 18th century] *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 6, 90–98.

Vol'skaya, N.N. (2017). *Soderzhaniye kul'turnogo znaka "obed" v proizvedenii V.F. Odoyevskogo "Kukhnya: leksii gospodina Pufa, doktora entsiklopedii i drugikh nauk o kukhonnom iskusstve"* [The content of the cultural sign "dinner" in V. F. Odoyevsky's "Cuisine. Lectures of Mister Puff, the Doctor of the encyclopedia and other sciences on culinary art"]. *Kul'tura v Fokuse Nauchnykh Paradigm* [Culture in the Focus of Scientific Paradigms], 5, 173–176.

GASTRONOMIC CODE IN “VARIEGATED TALES” BY V.F. ODOYEVSKY

Anastasia.S. Berdnikova, Postgraduate Student, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
email: nastasiaber13@gmail.com

Abstract: The article examines gastronomic semantics in V.F. Odoevsky’s “Variegated Tales” (1833) in the context of the writer’s oeuvre. The appeal to this topic is due to V.F. Odoevsky’s special personal interest in the culinary. In humorous lectures on the art of cuisine, published in the mid-1840s, the writer formulates the principles of his gastronomic philosophy. However, certain motifs related to the culinary world appear already in “Variegated Tales”. Food function as a sign of power, and heroes who are not endowed with it, risk being “cooked” or eaten (“The Retort”, “The Life and Adventures of One of our Local Inhabitants in a Glass Jar, or the New Jocko”). In a number of texts, food becomes an element of a certain ritual (funeral feast or sacrifice) and a way of communication with representatives of the other world (“Igosha”, “The Tale of a Dead Body Belonging to No One Knows Whom”). At the same time, V.F. Odoevsky captures the special ability of food to have a magical effect on a person and change his perception of reality. Gastronomic images in “Variegated Tales” unexpectedly turn out to be semantically associated with the sphere of alchemical sacred knowledge, which helps to transform the world around. Cabalistic sacraments have not only similar tools to culinary science, but also a symmetrical set of operations (“Retort”, “The Tale of How it is Dangerous for Girls to Walk in a Crowd along Nevsky Prospekt”). Still the interaction of the uninitiated person with both the world of alchemy and the gastronomic space can have tragic, irreversible consequences.

Key words: V.F. Odoevsky, “Variegated Tales”, “Cuisine. Lectures of Mister Puff, the Doctor of the Encyclopedia and Other Sciences on Culinary Art”, gastronomic code, alchemy

